

Мухи

Автор:

Максим Кабир

Мухи

Максим Ахмадович Кабир

HorrorZone

Этот старый дом, построенный в голом поле, давным-давно оброс мрачными слухами и легендами...

Саша и ее мама вынуждены поселиться здесь, и для них это место – шанс начать все с чистого листа. Но когда под старыми обоями обнажаются зловещие рисунки, созданные безумным художником, когда наступает ночь и тени мертвых выползают из углов – легенды воплощаются в реальность.

Максим Кабир

Мухи

© Максим Кабир, текст, 2021

© Алексей Провоторов, обложка, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

«Имя Максима Кабира давно уже стало синонимом качества. Одного взгляда на обложку достаточно, чтобы понять – будет страшно. Будет увлекательно. Будет кровь, секс, смерть и древние твари. И Кабир не разочаровывает».

Олег Кожин, писатель, автор сборника «Зверинец»

«Интереснейший синтез ветхозветной демонологии с «повелителем мух» Баал-Зебубом во главе, фольклорных верований и глубокого анализа традиции заложных покойников и возведения скудельниц («хранилищ» для мертвецов) на Руси».

Ольга Жердева, литературный и театральный критик

* * *

Кто такие, черт возьми, все эти поганые мертвецы, кишачие в этом доме, как черви в трупе?

Ричард Матесон. Адский дом

Пролог

1918 год

Они крались по лугу, пригибаясь, едва ли не на четвереньках. Замирали, когда луна выкатывалась из-за туч. Рядом плескалась Змийка, стрекотали цикады. Поле казалось горой, по которой надо карабкаться, цепляясь за стебли ярутки, и каждый шаг отдавался болью в суставах.

Со стороны Шестина загрохотали пушки. Лариса припала к земле. Оглянувшись, дернула брата за рукав: ложись! И тут же испугалась, что Гриша больше не сможет подняться, продолжить путь. В лунном сиянии его лицо было белой маской, восковым слепком. Рубаху измарала кровь.

Он мотал курчавой головой, словно отнекивался от зовущей смерти.

- Чего встали? - шикнул из зарослей Маклок. В его бороде запутались травинки, глаза под косматыми бровями сверкали. Маклок прекрасно понимал, что сделают с ними троими комиссары, попадись они в красные лапы.

- Артиллерия, - прошептала Лариса.

- Чую, что не Илия на колеснице. В воздух бьют. Характер показывают.

Для Маклока, воевавшего на Восточном фронте, канонада была делом привычным. Сельская учительница Лариса Ганина только приноравливалась к пеклу войны.

- Как ты, голубчик?

- Жарко, - прохрипел Гриша.

Они поползли дальше. Брат отставал, тяжелел, клонился к земле, точно кто-то незримый залез ему на закорки.

«Господи Иисусе, Пресвятая Богородица, выведите!»

Кусты расступились, изрядно оцарапав. За малинником, в чистом поле, стояло трехэтажное здание, словно венчая собой ту гору, на которую взбирались беглецы. Оно напоминало корабль посреди зеленого океана. Киль по центру фасада вытягивался к людям. Темные окна переливались серебром. Движение туч создавало странный эффект: в окуляре под двускатной крышей мелькали тени, оконце шевелилось, как глазное яблоко в лакуне глазницы, выискивая гостей.

У дверей валялся столб. Гнила ничейная телега без колеса.

Квакали надсадно лягушки, и липкая кисть брата выскользнула из пальцев.

Лариса двадцать три года жила в Михайловке, она много раз проходила мимо электрического дома. Дядька возил сюда дрова трижды в неделю. Он говорил, что раньше тут жили чернокнижники, и местные видали, как темноволосая девка вылетала из дымохода, оседлав метлу и, в чем мать родила, носилась по воздушным течениям. Повзрослев, Лариса перестала верить подобным сказкам, но в детстве истории о ведьмах ее будоражили.

Теперь в электрическом доме не было ни электричества, ни обитателей. Пустое здание отражало стеклами мертвенный свет.

- Сюда! - сказала Лариса.

- Нельзя, - запротестовал Маклок, - вперворядь обыщут!

- Сюда! - настаивала девушка. - Он и версту не пройдет.

Маклок замолчал, прикидывая, теребя бороду.

- Пусть оклемается, - сказал.

Вдвоем они подхватили Гришу под локти, потащили к дому. У Маклока на плече болталась пехотная винтовка, у брата был заткнут за пояс трофейный «веблей». Вот и все козыри против отряда из пятидесяти отборных красноармейцев, во главе с начальником губмилиции.

- Давай, голубчик, - приговаривал Маклок, - поживи маленько.

Сапоги Гриши волоклись по порогу, по мозаичной надписи «Salve». Багровая капля ударила о пол, звонче, чем шаги.

- Никого здесь?

- Никого.

В парадной властвовала полутьма, зыбучая, засасывающая вглубь. Маклок взял обессиленного Гришу под мышки, потянул вверх по лестнице. Ноги застучали, отсчитывая ступени. Гриша таращился на сестру мутными глазами.

– Все будет хорошо, – пообещала она, сглатывая ком.

Коридор показался нефом мрачной базилики. Или туннелем под египетскими пирамидами. Гриша метил дорогу кровавым пунктиром. Губы его на помадились пурпуром.

Конечно, замок квартиры был взломан. Большевики погуляли в господских хоромах. Судя по запаху, облегчились на ковры. Ценные вещи вывезли, а что не пролезало в двери – порубили топорами или шашками. Под подошвами шуршали палки. Кровать превратилась в труху. Маклок мыском расшвырял щепу, положил раненого на паркет. Лариса нашла перину, взрезанную, сыплющую перьями.

– Сейчас, родной, сейчас.

Затолкала перину под затылок. Гриша замычал.

– Я свет запалю, – сказала девушка, вынимая из парусинового мешка лампу.

– Погодь.

Маклок потопал к окну, задернул гардины. То ли варвары забыли сорвать их, то ли карниз не поддался. На мгновение комната погрузилась в угольную тьму. Лариса разогнала ее, чиркнув спичкой. Подожгла фитиль. Жестяная лампа загорелась бледно-желтым.

– Я снаружи, ежели что, – сказал Маклок.

Лариса кивнула. Непослушными пальцами расстегнула грязную рубашу брата. Материя отклеилась от тела.

– Боже, – простонала девушка.

Пуля попала под правую ключицу. В груди зияло ровное отверстие. Темная струйка текла к ребрам.

«Легкое пробило, – догадалась Лариса, – оттого он кровью харкает».

– Где мы? – спросил Гриша. Ему было трудно управлять веками. И языком.

– Мы в безопасности. – Лариса погладила брата по щеке.

– Какой год?

Хотелось ответить: шестой. Шестой год, и тятка зовет нас обедать, а после пойдём на реку, будем в кубарь играть и в козны, и квас ледяной хлебать.

– Восемнадцатый, – сказала она. – Больно тебе?

– Жарко.

– Попей.

Она поднесла к его рту флягу. Смочила губы. Оторвала от юбки карман и прикрыла им рану, как бинтом.

– Хочешь чего?

– Шампанского.

Лариса улыбнулась. Брат смежил веки, задышал прерывисто.

Она посмотрела вокруг себя. Стены гостиной покрывали штофные обои из кретона, люстра под потолком была металлической, добротной, с матовыми стеклами и бумажным абажуром. Шашки и сапоги уничтожили чужой уют. Осквернили иконы (Лариса перекрестилась быстро). Стали рухлядью ореховое бюро, ломберный стол, милая козетка. Среди мусора лежали охотничьи трофеи прежних хозяев: глухари, вальдшнепы. Бедные птицы, убитые повторно. Жалкие чучела в пыли.

Лариса прислонилась к дверному косяку.

Весной некоторые соседи начали называть Ганиных «кулаками». Сначала в хохму, копируя большевистские прокламации. Потом за глаза, потом – презрительно, в лоб.

– Худо будет, – пророчил Гриша, впервые запирая ворота на цепь.

Худо сделалось летом. Голод приехал на комбедовских тачанках. Голод кричал о справедливости и классовой борьбе. Советские изъяли у крестьян зерно, отобрали соль. Ни сухарь посолить, ни заквасить капусту на зиму. В местных советах левые эсеры вяло протестовали против монополии, пока их не выжили. Мужчин мобилизовали на войну с белочехами. Уезд платил пятьсот тысяч рублей чрезвычайного налога, а в Михайловке была одна корова на десять хат.

Страх выгрызал Ларисе нутро. За себя, за брата. Гриша договорился со священником, спрятал в молельне Тита Чудотворца десять пудов зерна. А что, если комбед найдет?

В июне красные переписали сельских лошадей для кавалерии, и михайловские двинули к волисполкому. Состоялся стихийный митинг, на котором Гриша проявил себя лидером. Народ изрядно поколотил председателя, отнял карточки учета. Все веселились и пели, а Лариса захлебывалась от страха, она помнила, как подавили мятеж в Валдайском и Бологовском уездах.

На общеволостное собрание прибыл секретарь уездного комитета Варшавцев. Высокомерный и плюгавый.

– Это бунт? – спрашивал он. – Это расценивать как бунт?

Толпа притихла, но поднялся с места Гриша.

– Нам жрать нечего! У нас хлебный паек – полтора фунта в месяц!

– Это тебе нечего жрать, морда? – хмыкнул секретарь.

«Богоматерь, запечатай братику уста», – шептала про себя Лариса.

- Мне! Им!

- Ты за них не говори! - Варшавцев набычился над кафедрой. - Атамана корчишь?

- Земляки, - Гриша обвел взором людей, - соседушки! Подпишем резолюцию!

- Писать умеете? - насмеялся Варшавцев.

- Нет - мобилизации лошадей!

Толпа заворчала согласно.

- Нет - смертной казни! Нет - красному мародерству!

Прозвучали одобрительные крики.

- Разрешить торговлю! Прекратить гонение на церковные обряды!

Крестьяне вскакивали с лавок.

Варшавцев прорычал сквозь гомон:

- Контра! Зеленая контра!

- Тварь! - бросил ему Гриша. - В галстук к нам приперся, тварь!

- В галстук! - возмущенно завопили крестьяне. Кузнец Семен налетел на секретаря и врезал по сусалам. Избитого, его вышвырнули на двор.

- Постановили, - зло сказал Гриша, свежеепеченный атаман повстанцев.

Лариса потрясла мешок, выгребла сухари. Осторожно извлекла револьвер из-за пояса брата. Уроки стрельбы преподавал ей Маклок. Он нагрязнул с дезертирами из Ярославской губернии. Воодушевил мятежников кипящей энергией. Ненадолго

хватило воодушевления. Через неделю переагитированные крестьяне являлись с повинной в ЧК, а оттуда уезжали на фронт. Но оставались упорные...

Лариса пошла по коридору. Прюнелевые ботиночки взяли в трухе. Рука с лампой казалась коконом желтого света. Фитиль потрескивал, плескалось масло в жестяном жирнике. Выходя на этаж, она предусмотрительно оставила лампу за углом.

Подъезд пронзали серебристые лучи. Луна была на диво большой. Где-то вверху жужжала крупная муха, стучалась о стекло.

Маклок дежурил на площадке между первым и вторым этажами. Открыл подъездное окно, уперся коленом в подоконник. Штык на стволе бердана поблескивал. Пахло болотной гнилью. С пролета Маклок уложит любого мазурика, который сунется к дому.

– Как он?

– Задремал.

– Еще нас переживет.

– Поешь.

Маклок жадно захрустел сухарями.

– Тебе тоже поспать не мешает, – сказала Лариса. – Я могу караулить.

– А у меня полмозга спит, а пол – бодрствует. Я и во сне красных бью, не сомневайся.

Лариса похлопала его по плечу и двинулась обратно. В стенах здания гудел ветер. Тамбур никак не кончался.

Она хотела бы сказать, что Маклок – хороший человек. Что хороший человек – ее брат. Или она сама. Но это было не так. Они прятали зерно в часовне. Они били людей (большевиков). Сожгли контору шестинского исполкома.

А когда в среду приехал продотряд изымать последнее, Гриша сотворил великий грех.

Он лично убил комиссара, на глазах крестьян вогнал ему нож в шею.

Лариса вспоминала, как запенилась кровь, хлынула фонтаном. Как уцепился комиссар за рубаху брата, точно тонул.

– Востро? – спросил Гриша. Он был похож на демона. – Это тебе революционный налог!

Теперь брат лежал в мусоре, среди птичьих чучел и битых икон.

– Кто здесь? – спросил он хрипло. Лицо усеяла горячая роса.

– Я, Лара.

– Кто-то кроме. Там, в углу.

– Ты бредишь.

– Нет же.

Лариса села на паркет, облокотилась о рухлядь. Комната покачивалась, двоились револьвер и свет в лампадке. Она подобрала кусок иконы с фрагментом Христова лика, стиснула.

Реввоенсовет объявил, что кулаки понесут заслуженную кару без всякого снисхождения. Послал за мятежниками отряд.

«Помоги, Господь, нам, помоги!» Голова опустилась на занозистые щепки.

В желтой мгле за сомкнутыми веками ждал сон.

Лариса находилась в той же гостиной, но не разграбленной, с диванчиками и пудрёзами, с непривычным электрическим освещением. В окна заглядывала луна, невероятно, колоссально громадная.

Дом гудел. Дом жил какой-то телесной жадной жизнью. В чуланах и тайных комнатках звучали шаги, кипела работа. Лариса вспоминала, как посещала осенью машинную наборную, где корпели корректоры, служащие бегали, сбиваясь с ног, воздух был горяч и тяжок от запаха типографской краски. Монотонно лязгали хитрые механизмы, гремели матрицы, будто молотки о наковальни. Метранпажи переругивались.

За стенами возродившейся гостиной царил такой же кавардак.

Но голос, который Лариса услышала, заглушил топанье и скрежет. Голос был полон сострадания.

Девушка появилась в дверях, красивая, величественная. Водопад смоляных волос спускался на белоснежное платье, и Ларисе стало стыдно за свой наряд. На плечах красавицы балансировали дятел и вальдшнеп.

– Ты утомилась, – сказала девушка.

– Очень, – выдохнула Лариса.

– Ты можешь попросить.

– Я прошу! – Она упала перед незнакомкой. – Я умоляю!

– О, не меня. Попроси дом помочь тебе.

– Дом?

– Да. Он живой, ты же чувствуешь? Попроси его так...

Лариса впитывала волшебные слова, впитывала и повторяла. Вальдшнеп порылся клювом в смоляных прядях незнакомки, выудил муху и съел ее. Пахло сыростью, тленом.

– Домик, спрячь нас, – прошептала Лариса.

Свет померк. Незнакомка исчезла. Лариса оторвала щеку от руин ломберного стола, потянулась. Встретилась взглядом с Гришей. Гриша умер, пока она спала. По остекленевшему глазу ползала муха. Струйка крови спускалась из уголка рта. На переносице налипло перышко.

– Братик, – промолвила Лариса, роняя икону.

Поплелась к Грише. И ужас объял ее, ужас, какого она еще не испытывала. Лампа задрожала, затрепетало пламя.

Между раскинутых ног брата стояла высокая бутылка. Пробка с пружиной покоилась в коченеющей руке мертвеца. На дне сосуда оставалась золотистая жидкость. В ней беззвучно лопались пузыри.

Лариса склонилась к бутылке, коснулась этикетки.

«Нижегородский монополь, – прочитала она. – Игристый, свадебный. Нектаральный вкус». И чуть ниже, мелким шрифтом: «При откупоривании остерегаться взрыва».

Это не был мираж. Самое настоящее шампанское здесь, в пустом доме.

Она прижала ладонь к губам.

В подъезде треснул выстрел. Лариса опрометью бросилась из квартиры. Масло капало в стеклянное дно плошки, и свет ерзал по черным стенам.

«Я забыла взять револьвер!» – обреченно подумала Лариса.

Маклок сидел возле окна. Но не спал, как утешала она себя. Из его макушки выростала к потолку винтовка.

«Это не взаправду!» – запричитала Лариса.

Штык вонзили в темечко Маклока, так что острое прошло через мозг, нёбо, язык и мягкие ткани подбородка и уткнулось в грудь, не давая голове упасть.

Лампа звякнула о бетон, расплескивая горючее. Свет померк, тьма надвинулась из углов. В тамбурах кто-то захихикал.

Не помня себя от страха, Лариса метнулась вверх по ступенькам, схватилась за цевье винтовки. Четырёхгранный штык выходил, как нож из тыквы. Намушник был испачкан частичками мозга.

Лариса завизжала, выдергивая оружие. По бетону что-то шлепало, приближаясь.

Отчаянно захотелось жить.

Она нагнулась, ощупала карманы Маклока. Нашла патроны. Взгляд устремлялся во мрак. Мрак чавкал и хрюкал, как легион.

Лариса взялась за рукоять, передвинула затвор по оси. Патронник плюнул латунной гильзой. Она заправила новый патрон, заперла, взвела ударник. Налегла, как учили: слева направо до упора гребня в стенку коробки. Вскинула берданку.

И увидела его прямо перед собой: истинного хозяина дома.

Звонящий вопль разнесся по этажам.

Дом спрятал беглецов в своей темной утробе.

1

Водопой

Наши дни

Все было очень плохо. Хуже некуда. Город за окнами стремительно редел, бежевые соты новостроек сменялись красноватыми хрущевскими пятиэтажками, пятиэтажки – сталинками, сталинки – приземистыми купеческими домами, словно время шло вспять. Остались позади и эти окраинные деревянные дома, по бокам трассы раскинулась степь с редкими вкраплениями цивилизации. Вот мелькнула какая-то будка, вот мерно гудящие высоковольтные столбы и под ними огороды, огражденные кустарным заборчиком. Сгорбленная бабулька бредет за пасущимися козами. В голубом небе ни облачка, и пахнет пылью и гудроном. Асфальтная нить вьется по степи, дальше, дальше, дальше от цивилизации.

Саша поерзала на заднем сиденье автомобиля. Она заранее знала, что их новое жилье находится у черта на куличках, но рассчитывала, что кулички все же располагаются в черте города.

«Нам повезло, что у нас вообще есть жилье», – напомнила она себе.

Из магнитолы брэнчал шансон, в наушниках мурлыкал Илья Лагутенко. Призывал утечь – сквозь резиновый коврик папиной «мазды» на горячее дорожное полотно.

Мама поймала в зеркале Сашин взгляд и ободряюще улыбнулась. За весну и июнь мама похудела и выглядела старше своих сорока двух. Лицо осунулось, под глазами набрякли мешки.

«Я должна быть взрослой», – сказала себе Саша. И улыбнулась в ответ, мол, ничего, переживем.

Главное, у них будет крыша над головой. Своя, не съемная жилплощадь. Больше не надо ютиться по общагам, просыпаться, смаргивая кошмары, в которых они с мамой бомжи, попрошайничают на вокзале. Мама крутит ручку шарманки, выдавливая заунывную мелодию, Саша пляшет, как обученная обезьянка...

Подайте, Христа ради, червонец золотой.

У обочины стелились заросли розоватого качима, торчали кустики фиолетовых, припавших пылью гиацинтов. Над соцветиями порхали пестрые бабочки.

Пощипывал травку на пригорке черный козленок.

«А вокруг ни людей, ни машин», – вспомнилось из какой-то песни.

Папа насвистывал себе под нос, излишне бодро, фальшиво, от его напускного энтузиазма становилось еще тяжелее. Папа, напротив, помолодел, сбрил бороду, скинул лишний вес. Ему-то что, высадит их в поле, вышвырнет чемоданы из багажника, ну пока, доченька, пока, Танюшка. И помчит обратно в нормальную жизнь.

Ксения прислала сообщение: «добрались?»

«Почти», – самонадеянно напечатала она.

– Скоро? – спросила, вытаскивая наушник.

– Вот-вот, солнышко.

Саша покосилась на времянку, утонувшую в сорняке.

Квартиру приобрели без ее участия: воспользовались моментом, – шептал внутренний голос. Она дала своим громким внутренним голосам имена. Их было двое, советчиков, вечных спорщиков. Та, что «должна быть взрослой», самостоятельной, правильной – Александра Вадимовна, пай-девочка, няша. И вторая, вопрошающая, почему Сашиним мнением никто не поинтересовался, – Шура, с ударением на «а», как у беззубого певца из девяностых.

На больничном Саша прочла «Доктора Джекила и мистера Хайда» Стивенсона, и роман привел ее в восторг. Она обожала мрачные истории: По, Уайльда, Шелли...

В мае Саше вырезали аппендикс, пока она валялась на койке, мама подписывала документы. Вчера папины друзья перевезли в новую квартиру мебель и вещи. Саша ехала на готовенькое. Другого выбора не было.

«За те деньги, – сказала Александра Вадимовна, поправляя условное пенсне, – мы не купили бы и собачью будку в центре».

Но универ, но Ксения, но школьные подружки...

- А давайте по мороженому! - предложил папа.

- С удовольствием, - опередила ее мама.

«Как обычно».

«Мазда» припарковалась у прилепившейся к трассе закусочной. Островок посреди зеленого океана, выцветшая надпись «Водопой». Под красными зонтами с рекламой пива - колченогие пластиковые столы. Летняя площадка отделена низкой каменной оградой и подперта вязами.

Саша выбралась из салона. Под кедами захрустел гравий. Голые плечи обдал теплый ветерок, заиграл в коротких каштановых волосах. Она повертелась, надеясь увидеть его - свой дом. За косматым, в васильках и нивянике, холмом возвышались девятиэтажки. Кучка панельных зданий на выселках.

- Не так и далеко, - сказал папа, кивая в сторону микрорайона.

Пятьдесят минут от Ксени, - вздрогнула Саша. А от университета сколько? Час двадцать? Полтора часа?

«Мумий Троль» пел о девочке, которую предали, да еще и тарелкой кинули напоследок.

Стрелки часов подползали к двенадцати, и жара стояла невыносимая.

- Ты какое будешь? - спросила мама.

- Я не голодная.

- Всем по фисташковому! - вклинился папа. - И без никаких!

Родители пошли к закусочной, а Саша села за столик. Солнцезащитные очки, крепящиеся дужкой к вороту ее топика, отбрасывали яркие блики. Зайчики

метались по площадке, словно паниковали: куда их привезли? Где кинотеатры, «МакДак», где суши-бары и караоке?

Отчаянно захотелось курить, и она уставилась в банку из-под какао, полную окурков.

Черeda несчастий, свалившаяся на них с мамой осенью, черной полосой протянулась в этот год. Выбила почву из-под ног, выкинула с насиженных мест.

Смерть дяди Альберта и бабушки Зои, появление гнусной пучеглазой ведьмы, которая отобрала у них дом.

От мысли о мерзкой тетке засосало под ложечкой. Она вообразила, как сейчас хозяйничают в ее спальне толстогубые близнецы, чертова родня дяди Альберта, не имевшая никаких прав на их недвижимость.

«Гады», – пробормотала она.

Защebetали птицы в кронах, беспечные, равнодушные к горю семнадцатилетней девушки.

Судьбе было мало смертей и позорного выселения, мало истрепанных нервов. Бог заглянул за ширму раздевалки и хмыкнул: «Ты чем занимаешься, Алексина? Выбираешь наряд на последний звонок? Так вот тебе операция вместо звонка, вот тебе больничная пижама вместо платья и ленты».

Чудо, что она вообще поступила в вуз с такой удачей...

По шоссе прокатил грузовик. Вышли из закуской родители, папа подал маме руку. Пародия на семью. Слово все хорошо, словно они не развелись семь лет назад. Слово папу не ждет дома другая жена, другая дочь...

А их – не ждет вшивая комнатка на задворках. Единственное, что они заслужили.

Родители сели напротив, папа закурил, сбивая пепел в банку.

Как они могут так запросто общаться после расставания? Помогать с переездом, созваниваться?

Саша представила, что через семь лет она будет как ни в чем не бывало болтать с Лешей, своим бывшим парнем.

– У вас тут зоопарк рядышком, – сказал папа.

«Ага, Ксения обзавидуется», – выразила скепсис Шура.

– И электрички ходят.

Вышла блондинка с симпатичным загорелым лицом. На подносе – три креманки, щедрые зеленоватые шары присыпаны шоколадной стружкой. Она поставила поднос на свободный стул, протерла столик клиентов.

Папа исподтишка рассматривал внушительные груди официантки, качающиеся под льняной рубашкой.

Блондинка распределила десерт между посетителями, подмигнула Саше:

– Лучшее мороженое в городе. Мигом поднимает настроение.

– А это еще город? – не сдержалась девушка.

Мама посмотрела на нее осуждающе.

– А как же, – не уловила подвох официантка. – Когда-то он здесь начинался.

Вокруг столиков, вязов, вокруг папы и мамы простиралась июльская степь. И лишь скопище домов за холмом походило на что-то вроде города, его филиала.

– Водопой – так раньше весь наш район назывался. А до этого, в семнадцатом веке, – поселение. Тут речка была, Змийка, сейчас она севернее течет...

Саша ковырнула ложкой свой шарик. В одном ухе напевал, тщетно успокаивал Лагутенко.

- А в зоопарке львы есть? - спросила мама. Не для себя, для приунывшей дочери.

- Нет, - усмехнулась официантка. - Это не зоопарк, а так - ферма. Но там парочка волков имеется. И лошадки. Любишь лошадок, милая?

- Кто же их не любит.

- Пойдем кататься, - сказала мама.

Мама работала медсестрой и все выходные спала как убитая. Вытащить ее куда-то было практически невозможно.

Но Саша помнила и светлые времена, когда они с мамой и дядей Альбертом навещали парк, кормили уток, плавали на катамаранах...

- Ну, - папа поднял креманку, как фужер вина, - за ваше новоселье.

Они чокнулись.

«Две комнаты, - подумала Саша, облизывая сладкую и холодную ложку. - Не так и плохо».

Мороженое действительно улучшило настроение. Они доели свои порции, запили минералкой.

Официантка вышла на парковку и помахала дружной семейке Алексиных.

Трасса огибала холм, теперь пригнувшаяся Саша видела весь микрорайон, компактный степной оазис. Дома были совсем новенькие, не те трущобы, которые рисовало ее разгулявшееся воображение. Кремовые фасады, сверкающие на солнышке окна, грибница спутниковых антенн.

- Микрорайон Речной, - сказала мама.

Высотки напоминали дома из кукольного мультфильма про Барби, который Саша смотрела в детстве. Аккуратные, комфортабельные.

«А ты боялась», – выдохнула она.

Да, придется просыпаться пораньше, чтобы добираться на пары, но до лекций полтора месяца.

Собственная квартира – они же мечтали об этом с тех пор, как Гильдеревы выперли их из дома дяди Альберта...

Район отсекала от трассы мелкая речушка, заросшая рогозом и осокой. Серебристый шнурок воды едва просматривался за джунглями. В воздухе клубились тучи мошкары.

– Купим средство от комаров, – сказала мама.

Отец, уже изучивший местность, свернул к короткому автомобильному мостку, чьи толстые, как отекавшие старушечьи ноги, опоры вонзались в мелководье. Течение было вялым, река – Змийка – заболоченной.

«Мазда» съехала на щебневку, пошла зигзагами.

Проплыли гаражи, какая-то башенка из рыжего кирпичика, свежеекрашенные турники. По футбольному полю гоняла, упиваясь каникулами, пацанва.

Высотки – Саша насчитала восемь штук – образовывали кольцо с заведениями первой необходимости на нижних этажах. Продуктовый магазин, парикмахерская, аптека.

Мама перечисляла вслух:

– Банкомат, а вон ксерокс, а вон даже кулинария.

Да, здесь не было суши-баров и IMAX-кинотеатров, но не было и размалеванных ругательствами стен, сараев из фанеры и зловонных подворотен. Жильцы расщедрились, обустроили детскую площадку с веревочным городком и

горками. Покачивался на ветру батут в виде пиратского корабля, чьи мачты доставали до верхушек каштанов.

«Выкусила?» – это Александра Вадимовна приструнила пессимистку Шуру.

«Мы можем быть счастливыми здесь, – подумала Саша. – Наконец-то».

И сказала, оборачиваясь:

– Па, ты въезд пропустил.

– Нам чуть дальше, – ответил папа.

Автомобиль миновал колечко чистеньких высоток и уходил от района в степь.

«Куда дальше?» – напряглась Саша.

Справа расплескалась огромная лужа, залитый водой луг, как рисовые поля в документалках про Японию.

Девятиэтажки Барби мигнули солнечными зайчиками, прощаясь.

«Куда дальше-то?»

Ветви шиповника зашуршали по борту машины. «Мазда» подпрыгнула на ухабе. Саша прильнула к стеклу.

– Мама...

– Сейчас, солнышко...

Кусты расступились.

«Что ты там вякнула?» – хмуро спросила Шура.

Сашин рот непроизвольно распахнулся.

Она увидела дом.

2

Снаружи

Он стоял в поле, красно-бурое пятно на фоне безмятежно-голубого неба. Громоздкий, трехэтажный, с кирпичным нутром под осыпавшейся и утратившей первоначальный цвет штукатуркой. Двенадцать окон квартир были утоплены в нишах и обрамлены рельефным орнаментом. Фасад вертикально разрубал выпуклый ризалит с высокой крикливо-фиолетовой дверью в неглубоком портале и двумя подъездными оконцами. Все окна, кроме фонаря под двускатной крышей, были узкими и высокими.

По простенкам между вторым и третьим этажами тянулся причудливый орнаментальный пояс: погрызенные временем и непогодой гипсовые фрукты и ягоды. Гроздь винограда, что-то вроде арбуза или тыквы. Венчали дом рожки дымоходов, а из его торцов выдвигалось по паре балкончиков с металлическими ограждениями.

Саша заворуженно разглядывала массивные наличники, лепнину, фруктовое декорирование. Старое здание больше походило на музей – запущенный и провинциальный, – чем на жилой дом. Но, справившись с удивлением, она различила новые детали: сушащиеся на верхнем балконе спортивные штаны, телевизионные антенны, трансформаторную будку...

Слева двое детишек, мальчик и девочка, ползали на коленках по земле.

«Вот почему квартира обошлась нам так дешево. Это же хреновые декорации из фильма про чекистов».

На первом этаже шевельнулись занавески, какой-то старик оглядел гостей и скрылся в недрах комнаты.

Саша поняла, что мама смотрит на нее. С надеждой, мольбой и опаской.

- Здорово, да?

Ни Саша, ни ее противоречивые внутренние голоса пока не определились, здорово это – дом в поле – или не очень.

- Господи, сколько ему лет?

- Дореволюционная постройка, – сказал папа. Он клацал телефоном, вероятно, переписывался с женой.

- И какого черта его здесь построили?

Саша обвела взором пустырь и болотце, до которого было рукой подать.

- Не чертыхайся, – пожурила мама.

В их городе с четырехвековой историей было предостаточно памятников архитектуры, помещичьих домин, бараков. Она никогда не думала, что придется поселиться в одном из этих музейных экспонатов.

«Есть шанс, что его скоро демонтируют», – сказала Шура.

- А мы закупили ведра для колодезной воды? Чугунку, свечи?

- Газ, вода, все в комплекте. А завтра нам установят модем.

- Ну же, – хлопнул в ладоши папа, – исследуем территорию!

Они вышли из машины. Ветер приглаживал некошеную траву. Дети не обращали никакого внимания на новоприбывших, а вот смешная, словно сшитая из разных клочков шерсти кошка перестала лизать лапу и повернула к ним треугольную мордочку. Изумрудные глаза источали любопытство.

– До остановки пятнадцать минут пешком, – сказала мама, – до станции – минут двадцать через микрорайон.

– Тут где-то минеральный источник был, – задумчиво проговорил отец. – И даже яхт-клуб.

Саша вообразила кораблик, пробирающийся заиленным руслом Змийки.

– А здесь, наверное, жили отдыхающие.

Саша заставила себя думать об общежитиях, по которым они с мамой скитались.

На рельефном фасаде висела табличка: «Первомайская, д. 1». Газон окаймляла бордюрная лента, приветливо кивали бутонами тюльпаны, вился к подоконникам плющ. Две массивные лавочки вызвали ассоциации с каменными львами, застывшими у входа во дворец.

Мама приобняла Сашу за талию:

– Угадай, где наша квартира?

«В городе», – подумала Саша, и глаза защипало.

Она молча указала на второй этаж.

– В точку!

Тропка вилась от подъезда к кустам, к красивым и нарядным высоткам. Их окна переливались в оправе стеклопакетов, дразнили.

Что скажет Ксения? Что сказал бы Леша?

Папа вытаскивал из багажника пакеты, мама покусывала ногти, смотрела на ризалит и полукруглые фронтоны, словно тщила разглядеть в них свое будущее.

Саша побрела по двору, к южному его краю.

- Доча...

- Пусть осмотрится, - вмешался папа. - А мы на скамейке посидим.

Пырей пружинил под кедами. Ветерок обдувал взмокший лоб.

«Ну зачем, ну зачем ты умер?» - вопрошала она дядю Альберта.

За углом простиралось ничто. Пустота из двух половинок, зеленой и голубой.

На секунду показалось, что если она сейчас топнет ногой, то мир полетит в тартарары, долбаный д. 1 по Первомайской покатится, как перекасти-поле. Обрушатся кремовые новостройки, степь сомнется, будто бумага, и все это ухнет в пропасть, где ему и место.

Проводки наушников щекотали шею, на глаза навернулась влага, но Саша похлопала ресницами и сильно сжала кулаки, не давая слезам пролиться.

Прищурилась на солнце, чтобы оно сожгло клокочущую в душе дрянь.

«Мы больше не бомжи», - сказала Александра Вадимовна.

Рядом мяукнуло тоненько, звук доносился из крошечного оконца у самой земли. Зарешеченный квадрат и сырая мгла за ним.

- Кис-кис-кис, - позвала Саша, но мяуканье не повторилось.

Она поплелась обратно, загребая кедами траву.

И едва не ойкнула, когда навстречу кинулся растрепанный мальчонка. Не старше семи лет, в шортах и футболке. Коленки перепачканы - это он играл во дворе с подружкой-ровесницей.

- Привет, – улыбнулась Саша, которая обожала детей и мечтала, чтобы у мамы и дяди Альберта родился малыш. Братик или сестричка.

- Поможешь нам? – спросил мальчик, шмыгнув носом.

- Попробую.

Он поманил ее во двор. Родители сидели у подъезда, огороженные сумками и пакетами. А под ржавым турником сидела девочка с такими же грязными и оцарапанными коленями, как у ее приятеля. Она встретила Сашу предельно серьезной гримасой и сказала вместо приветствия:

- Стань там.

Саша послушно встала напротив детей. Взор упал на землю, на вырытую продолговатую ямку. Миниатюрную могилу. Улыбка завяла. По голым предплечьям побежали мурашки. На то, что это могила, красноречиво указывал крест из палочек от пломбира. Был и маленький веночек, сплетенные кукурузные рыльца. А над ямкой, торжественно воздев руку-ракету, стоял трансформер с забитыми землей деталями.

В памяти всплыли похороны дяди Альберта. Рыдающая мать, холодное кладбище, мрачная процессия. Саша несет алую бархатную подушечку с орденами – Альберт был добровольцем в Чернобыле, пожарным. Чернобыль его и убил. Он умер в пятьдесят два от рака щитовидной железы.

Саша знала дядю Альберта пять лет. И любила его, возможно, больше, чем папу. Папа появлялся на выходных, дядя Альберт всегда был с ними, поддержка и опора. Идеальный отчим с неидеальным здоровьем.

Он подтягивал ее по английскому и математике, научил водить автомобиль и сплавляться по реке на байдарке. Никогда не ябедничал маме и дал несколько важных советов, когда она разошлась с Лешей.

Такой большой и сильный, он скончался в облезлой палате онкобольницы и в гробу лежал худой, желтый, не похожий на себя.

Поп вонял ладаном, с изголовья гроба смотрел высокомерный и неприятный святой, и хотелось столкнуть икону.

Она боялась, что табуретки не выдержат веса, гроб повалится на асфальт. Что Альберту жмут туфли, в которые его нарядили, потому что при жизни он носил только кроссовки. Боялась, что бабушка Зоя упадет в могилу. Как она кричала, заламывая руки: «Сыночек, сыночек».

– Там же темно, – всхлипнула мама. Тук-тук-тук – заколотили крышку.

Вокруг покойника уже роились стервятники. Родственники, которых ни Саша, ни мама ни разу не видели. Гильдеревы: пучеглазая ведьма, двоюродная сестра Альберта. Ее сынки и муж-палестинец, ни бельмеса по-русски.

Мама и дядя Альберт не были расписаны.

Почему-то, черт бы их побрал, они не зарегистрировали официально брак.

И мама была просто сожительницей.

Такое мерзкое, гадское слово. Со-жи-тель-ница.

Так шипит змея, такое цедит толпа вслед опороченной женщине, и тычет пальцами, и швыряет камнями.

А женщина стоит на помосте горделиво (засунула бы ты свою гордость), как в «Алой букве» Натаниэля Готорна.

– Забирай девку, и драпайте отсюда подобра-поздорову.

Маме пришлось схватить Сашу, чтобы та не выцарапала ведьме глаза. Черные выпученные зенки. И чтобы не скормила их пухлощекиим близнецам.

– Плохо, плохо! – бубнил палестинец.

Разговор состоялся у здания суда. Мама просила Сашу не разговаривать с Гильдеревыми, но ведьма бросила в спину: «Угробили брата моего, теперь хотите дом отжать?»

Саша захлебнулась злостью. Розовой дымкой заволокло взор. Она ринулась на ведьму, та усмехалась.

- Как вы смеете?

- У-у, - издевательски тянула Гильдерева, - вы поглядите на нее! Шавка малолетняя!

- Да как вас земля носит? - Саша не замечала горячих слез.

- Со взрослыми разговаривать научись, хамка!

Мама тащила к себе, увещевала.

«Ну что? - спрашивала Гильдерева немо. - Что ты мне сделаешь?»

Ничего...

Мама пять лет ухаживала за тяжело больной бабушкой Зоей, была ей сиделкой и медсестрой. Ведьма ни разу не сооблаговолила хотя бы по телефону поинтересоваться самочувствием родной тетки.

Бабушка Зоя умерла на девятый день после смерти сына. Умерла при Саше: задышала хрипло, всхрапнула и словно оплыла. Буднично, прозаично. Ее, как ветошь, вынесли из дома санитары: щуплое тельце в гамаке простыни.

Вторые похороны. Быстрее, проще. Наверное, к такому можно привыкнуть.

Бабушка Зоя не оставила завещания.

На суде «ваша честь» откровенно зевал и почесывал красные глаза. Адвокат сказал, что Алексиным повезло. Им хотя бы заплатили треть от стоимости

жилья. Третью, на которую ты купишь либо конуру либо квартиру в поле.

И в дом въехали Гильдеревы, будь они прокляты.

Все это: похоронные ритуалы, черный венчик на лбу, омовение и ладанки – пронеслось в голове Саши при виде шуточной могилы.

Девочка, придерживая двумя пальчиками, медленно тащила к ямке гроб. Он был сделан из разрезанной пополам морковки, выдолбленной, как лодочка. В морковке, брюшком вверх, покоилась дохлая муха.

– Раба божьего, – сказал мальчик. – Бр-бр-бр, раба божьего.

«Он ее отпевает», – догадалась Саша и поежилась. Жутковатый сорокоуст для мертвого насекомого.

Муха в гробу ворочалась с бока на бок.

– Странные у вас забавы, – сказала Саша.

Девочка сердито цыкнула.

– Раба божьего, бр-бр-бр...

Морковный гроб опустился в ямку.

На Радоницу Саша навещала кладбище, и ее ужаснула просевшая могильная насыпь. Там, внизу, провалилась крышка домовины, и грунт засыпал дядю Альберта, его сомкнутые веки, его впавший рот, и черный костюм в полоску, и дурацкие туфли...

– Высыпь туда, – сказал мальчик, протягивая Саше горсть земли.

Она механически приняла эту сухую, с травинками, землицу. Она думала о настоящей могиле, о настоящем, таком ненадежном гробе. Вытянула кулак над ямкой, разжала, словно посолила морковь. И дети повторили ее жест. Земля

присыпала муху.

- Царствие небесное, - сказал мальчик.

- Земля тебе пухом, - сказала девочка.

- Доча, ты идешь?

- Пока, - пробормотала Саша, отступая от диковатой панихиды.

«Весьма необычные развлечения у молодежи», - подумала она, вытирая ладонь о джинсы. В дом нельзя нести кладбищенскую землю.

«Лучше бы сидели в соцсетях, как все нормальные дети».

Саша подхватила сумки. Папа приотворил фиолетовую дверь.

Мама бегло перекрестилась и сказала:

- Не терпится, чтобы ты увидела свою комнату.

Порог подъезда украшала мозаика, красные латинские буквы «Salve».

- Утешение? - неуверенно перевела Саша. И переступила порог.

3

Внутри

Прежде ей не доводилось бывать в таких подъездах.

Она снова подумала о музеях, о советских фильмах, о сериале «Место встречи изменить нельзя», который любил дядя Альберт.

Две лестницы делили коридор на равные части. Одна, бетонная, парадная, вела вверх, вторая, металлическая, – куда-то в полуподвал. Здесь было чисто и прохладно, пахло парным молоком и гипсом. Саша ходила на курсы лепки и помнила запах гипса.

В вестибюле висели почтовые ящики, шесть подписанных ячеек. Стены покрывала карминно-розовая шпаклевка. Своды укрепляли балки на массивных пилястрах.

– Ого, – сказала Саша.

Площадка первого этажа была широкой, полутемной, облицованной узорчатой кафельной плиткой. В стороны убегали два длинных тамбура, заканчивающиеся квартирными дверями. Всего по две квартиры на этаже.

Лампочка в зарешеченном плафоне контрастировала со старомодным убранством потолка: пышные филенки, лепной карниз, искусственные гроздья винограда по углам. Фигурные балясины обвивали лозы.

Алексины поднялись по двухмаршевому лестничному шлюзу на следующий этаж. Мама зазвенела ключами. Их новая квартира находилась в тупике тамбура справа. Железная дверь, а над ней – пустой проем, оконце, оставшееся, видимо, от прежних дверей с полукруглой верхушкой. Впрочем, забраться в него могла бы лишь кошка-верхолаз.

«Дверка для животных наоборот», – отметила Саша, шагая за родителями.

Она подумала обо всех тех людях, что жили тут до нее, сотнях теней, проходивших через тамбур. О гробах, которые выносили родственники из квартиры...

Мама поправила ногой резиновый коврик, щелкнула замком.

– Добро пожаловать, – сказала она.

Коридор мог бы считаться дополнительной комнатой, таким широким он был. Первая дверь вела в огромную ванную, совмещенную с туалетом, вторая – в

чулан. Впереди находилась кухня, светлая и уютная. Все это бросалось в глаза частями, фрагментами: побеленный потолок где-то в поднебесье, потертый паркет на полу, обои в чайных плесках. Газовая печь была старой, с пожелтевшим и жирным экраном духовки. Стол, стулья, ящики над печью достались от прежних жильцов, зато холодильник – их, из дома дяди Альберта. Мама всунула штепсель в розетку, холодильник, как давний друг, приветливо заурчал; соскучился по электричеству. Два месяца мебель и техника Алексиных хранились в папином гараже.

– Впечатляет, да?

Мама посторонилась, позволила дочери пойти по коридору налево. Паркет поскрипывал. Здесь можно было рассекать на велике, если бы не высокие пороги межкомнатных дверей. Вот и ее велосипед, прикорнул в коридоре.

Гостиную захламляли нераспакованные свертки, пакеты, узелки. Стояла под пленкой полиэтилена мамина софа, привыкала к новому месту. Зеркало трюмо отражало новую для него обстановку.

– У нас есть балкон! – радостно сообщила мама, открывая дверь в облупившихся чешуйках краски. Ветер притащил в квартиру запах тины и полевых цветов.

– Завтра съездим в магазин и выберем обои, – предупредительно сказала мама; Саша смотрела на вздувшиеся ромбики, на темные пятна у плинтусов, последствия потопа.

Щиколотки охлаждал сквозняк. Попискивали плохо пригнанные доски.

– А кто тут жил раньше? – спросила Саша.

– Какая-то старушка, – пожала плечами мама.

Саша оглянулась на дверной проем, за которым угадывалось изножье ее кровати. И улыбнулась невольно.

– Заходи, – подбодрил папа.

Что же, эта спальня была больше ее прежней в два раза, из-за чего кровать казалась детской. На обоях, вылинявшие, едва различимые, закручивались спиралью виноградные усики. Из стены проклеивались головки дюбелей. Когда-то они придерживали полки или картины.

Родители ждали ее реакции. Она еще полминуты изучала пыльную дешевую люстру, окно в дубовой раме. Батарею, нуждающуюся в малярной кисти. За стеклом зеленела степь.

- Мне нравится, - произнесла Саша наконец. - Очень нравится.

Мама заулыбалась, будто у нее груз с плеч упал.

- Ну, - сказал папа, - свет, водопровод, все работает. Осталось подключить телевизор. Где он у нас?

«Искупает вину, - подумала Саша, - за то, что полюбил другую. За то, что меня воспитывал посторонний мужчина».

Папа ушел в гостиную, а Саша обняла маму. В квартире, которую они научатся считать своей, обустроят, пометят. Белая полоса, череда счастливых дней, месяцев, лет.

Мама сглотнула слезы, чмокнула в макушку:

- Ох, доченька.

- Все будет хорошо, мам.

Телевизор гаркнул дружным хохотом юмористической передачи, резкий звук всполошил рассеявшихся на карнизе голубей.

- Сможете смотреть Малахова.

- Спасибо, Вадик. - Мама потянулась к отцу, замешкалась и неловко похлопала его по руке. - Спасибо тебе.

Сашину сестру звали Кристина. Папа говорил, что у них глаза одинакового оттенка, васильковые, с вкраплениями лазури. Кристине было пять лет, очаровательная курносая малышка. Иногда они вместе ходили в кафе: папа и его разновозрастные дочери. Саша показывала Кристине фокусы, которым ее научил отчим. Кристина называла старшую сестру «Шашкой».

Реальная жизнь мало походила на слезливую мелодраму. В сериале разведенные родители не находили бы общего языка, новая пассия ненавидела экс-супругу героя, сводные сестры соперничали бы.

Но папина жена была прекрасным человеком, их дочь – чудесным ребенком, и никто никому не желал зла.

Лишь ведьма материализовалась из сериалов. Или из фильма ужасов про Средневековье.

Мама провожала отца, а Саша повторно прогулялась по квартире. Простор сбивал с толку. Неужели они приобрели за бесценок эти апартаменты? Она расправила руки, как крылья, но кончики пальцев не дотрагивались до коридорных стен. В прихожей дяди Альберта сложно было разминуться двум людям.

Квартира была тенистой, хоть снаружи и не росли деревья. Оказывается, кирпич имел свои преимущества. Отмыть, отдраить, смести паутину из углов. Мамин отпуск продлится неделю – успеют навести лоск.

– Ай, черт!

– Ма, ты в порядке?

– Ага. – Мама потерла ступню. – Споткнулась. Кто делает такие высокие пороги?

– Архитекторы пятнадцатого века.

– Надо быть осторожнее ночью. Приспичит в туалет, можно шею свернуть.

Саша хлопнула по выключателю, голая лампочка осветила каморку между ванной и кухней. Отслоившиеся обои были пятнистыми от гнили, воняло затхлостью. На бетонном полу сгрудились коробки из размокшего картона, приникла к стене стремянка.

- Это не наше?

- Нет. Видать, родне старушки, что тут жила, не пригодилось. Выкинем позже.

Саша прикрыла дверь в чулан.

Им повезло, что Гильдеревы не претендовали на начинку дома. Не дрались за телевизор, не пытались отнимать кровати. Из старой жизни перекочевали вещи, будто уцелевшие после кораблекрушения.

При переезде Гильдерева стояла над душой и наблюдала цербером, как Алексины выносят нажитое добро. Саша передразнила, выпучила глаза. Ведьма посерела от гнева.

Золотистая турка дяди Альберта... какой кофе он готовил! Микроволновка, часики с декоративными гирьками. На подоконник встал кактус, путешествовавший с Алексиными по общагам.

- Почаевничаем?

- Давай. - Саша взобралась на стул.

Мама порылась в мешках, притащила чайник, пачку с индийским слоном и упаковку крекеров. Забулькал кран. Газовая горелка чихнула пламенем.

- Не найду чашек. Из пластика попьем. - Мама хрустнула одноразовыми стаканчиками.

За распахнутым окном чирикали воробьи. Шла волнами почерневшая от гари марля, она маскировала вентиляционную дыру.

«В чем подвох? – спросила подозрительная Шура. – Тектонический разлом под зданием? Наркопритон в подвале?»

– Как обустроимся, Ксению на новоселье пригласим.

Голос мамы дрогнул.

– Ма, ты чего плачешь?

– Ничего, солнышко.

– Ты... по Альберту плачешь?

Мама улыбнулась сквозь слезы, всплеснула руками.

– Прости меня, девочка моя. Прости меня, пожалуйста.

– Ну ты чего? – Она погладила маму по щеке. – Гляди, домище какой. Я такой в детстве воображала. Старый, большой, с привидениями.

– Сама ты привидение, – засмеялась мама.

Чайник вскипел, плюхнулись в стаканы пакетики.

«Шикарная квартира!» – написала Саша сообщение. И прибавила кучку смайликов, влюбленных и изумленных.

4

Сосед

– Все! – воскликнула мама. – Все, нет сил!

Саша выглянула из спальни, оценила мамины старания. Вещи были рассортированы, одежда и постельное белье убраны в шкаф, косметика, фотоальбомы, лекарства, прочие мелочи расфасованы по ящикам. Посуда отправилась на кухню, туалетные принадлежности – в ванную.

– Похоже на дом, – сказала Саша.

Она тоже разобрала свой скарб, разложила по полочкам тряпье, джинсы и платица, которым не хватило вешалок. Вымела пыль. Освобожденный от мешков пол натерла полиролем.

Внутри оконной рамы скопились дохлые мухи, она подумывала отдать их соседским детям, пусть похоронят по-людски.

– Куплю с зарплаты плетеные стулья, – мечтательно проговорила мама, – будем на балконе отдыхать вечерами.

– И беговую дорожку. Теперь есть место для нее.

– И джакузи. В ванной поместится.

– И сенбернара. Ты мне десять лет его обещаешь.

Они строили планы, а за окном щебетали птицы, стекла дребезжали под порывами теплого ветра.

– Эх, – сказала мама, – надо же нам ужин готовить.

– На фига. Давай пиццу закажем.

– Сюда не доставят.

– Мы же кулинарию проезжали. Я сметаюсь.

– Брось. Я картошку сварю, накрошу салат, у нас редиска есть.

- Бэ, - скривилась Саша, - хочу жирную и вредную пищу.

Она переоделась в джинсовые шорты и футболку с принтом Биг-Бена, выудила из коробки сандалии. Обувалась, мысленно моделируя вид спальни после окончания косметического ремонта. Туда поставлю комп, там будут книги...

- Вручи дочери денег на пропитание.

- Держи, дочь.

Саша спрятала купюры в карман, поцеловала маму.

- И попитьхвати.

К запаху гипса прибавился аромат жарящихся котлет.

Примолкла ворчливая Шура. На душе было радужно. Предстоящие хлопоты воодушевляли. Ремонт, институт, плетеные стулья... никаких скверных полос отныне!

Она попрыгала по ступенькам. В лучах солнца, проникающих сквозь подъездное окно, кружились золотые пылинки. Саша остановилась между этажами: ее внимание привлекла металлическая створка в стене, железный щиток, размером с форточку.

«Мусоропровод?» - предположила Саша и отщелкнула засов.

За створкой была глубокая ниша, шахта, уходящая вверх и вниз. Кирпич почернел и обуглился, точно каминная труба. Саша чиркнула пальцем по краю ниши, под ноготь забились сажа.

- Это печь, - раздалось сзади.

Саша терпеть не могла, когда к ней подкрадываются вот так.

На площадке первого этажа стоял парень в майке и спортивных штанах. Кучерявый, как сатир с иллюстраций древнегреческой мифологии. У него была тощая жирафья шея, выдающийся во всех смыслах кадык и фигура пловца. Широкие плечи, длинные руки, которые, кажется, смущали его самого.

- Туда насыпали уголь.

Голос у него был приятный, как и глаза – Саша рассмотрела их, спустившись к парню по ступенькам. Интенсивного зеленого цвета, живые и цепкие, они прибавляли интеллект овальному мальчишечьему лицу с веснушками, разбрызганными по щекам.

- Так отапливали подъезд, – завершил он и одарил девушку обезоруживающей улыбкой.

- Привет. – Саша протянула кучерявому ладонь.

Рукопожатие предварила цепочка ненужных па. Саша верно угадала: парень не всегда знал, что делать со своими руками.

- Роман.

- Александра.

Львиная доля людей, которым она представлялась когда-либо, считала необходимым пропеть строчку песни из фильма «Москва слезам не верит». Будто это было забавно. И Рома не стал исключением.

- Этот город наш с тобою...

- Местный юморист? – одернула Саша.

- Извини. – Он заулыбался еще лучезарнее. Сколотый резец не портил улыбки. – Это вы въехали в четвертую квартиру?

- Да, мы с мамой. А ты, – она посмотрела на дверь за спиной парня, – из первой?

– Не-а. Я в новостройках живу, рядом. А тут мой дедушка обитает. Я ему обеды ношу.

– Молодец, хороший внук.

– Стараюсь. Ты гулять или что?

«Маньяк, – сказала Шура, – явный психопат. Из тех, что похищают грязные трусики и гоняют шкурку».

Александр Вадимовне молодой человек скорее понравился.

– В кулинарию. Еду на ужин купить.

– Так нам по пути, – вызвался Рома.

– Ну, идем.

Они пошли бок о бок по ступенькам.

– Как тебе дом?

– Крутой. Я в таких не бывала.

– Тут подсобных помещений больше чем квартир. Конец девятнадцатого века. Знаешь, как переводится?

Он ковырнул носком мозаичный пол, надпись «Salve» на пороге.

– Типа утешение? Успокоение?

– Не. Это латынь. «Приветствую» или «Доброго здоровья». Добро пожаловать, короче.

– Ты латынь знаешь?

- Дедушка знает. Я только буду учить.

Они вынырнули из подъезда. Во дворе было безлюдно. Опустел пяточок у ржавого турника.

- Доча! - Мама стояла на балкончике, взявшись за перила.

- Чего?

- Привет! - помахал новый Сашин знакомый. - Я Рома.

- Привет, Рома. Сашка, пластинки от комаров купи.

- Ладно.

Мама с интересом смотрела им вслед. Они шагали по тропинке. В воздухе металась мушка, пиликали сверчки в кустах.

- Тебе сколько? - спросил Рома.

- А сколько дашь?

- Восемнадцать?

Ответ ей польстил. Саша жутко бесилась, когда папа говорил, что она выглядит младше своих лет.

- Семнадцать. А тебе?

- Девятнадцать.

- Студент?

- Первый курс закончил.

– А я только поступила. В педагогический.

– Ого, – обрадовался Рома, – и я в педу учусь. Дай угадаю. Иностранные языки?

– Русслит.

– Твой корпус рядышком с моим. Можно вместе ездить на пары.

«Ого, какой быстрый», – не поощряя, но и без осуждения отметила Александра Вадимовна.

Кажется, эта чопорная юная леди проявляла несвойственное ей любопытство.

– А ты...

– Исторический факультет.

– Прикольно.

– Батя хотел, чтобы я инженером был, как он, но я дедушкину специальность выбрал. Он у меня известный краевед, по радио раньше выступал, три книги издал.

– Любишь дедушку своего?

– Безумно.

Саша жалела, что оба ее деда умерли до ее рождения, и бабули – все три, включая бабушку Зою, уже лежали в земле.

– Я вас познакомлю, он отличный.

Солнечный диск опускался за холм, горели алым окна новостроек. Кипела вечерняя жизнь: усатый дядька ковырялся в двигателе «жигуля». На пригорке у гаражей компания жарила шашлыки, дразнил запах свинины. Вереща, скакали маленькие пираты, батут подбрасывал их в фиолетовое небо.

- Миленский райончик, - сказала Саша.

- Ага, ничего так.

- Давно тут живешь?

- Как все. Его в две тысячи шестом построили. Для работников южного комбината. Папе квартиру выдали, а он деда поближе перевез.

- Долго до университета добираться?

- Рукой подать! - Рома выпростал свою лапу. - Я на электричке езжу. Час выходит. На маршрутке немного дольше. Книжку с собой беру, чтоб не скучно было. Но приятный собеседник лучше.

В кулинарии жужжали кондиционеры, прилавки ломились от яств.

Проголодавшаяся Саша сглотнула слюну.

- Попробуйте запеканку, не пожалеете.

Она нагребла полный пакет еды. Фигура фигурой, но отметить новоселье - дело святое. В соседнем магазине купила квас, средство от комаров, эвкалиптовую жвачку и пачку тонких сигарет.

Рома шел по пятам.

Саша двинулась за гараж и гривастую иву.

- Куришь?

- Не. Я ж спортсмен.

- Говорил, историк. - Она прищурилась; дым попал в глаза.

- Одно другому не мешает.

- Пловец или баскетболист?

- Шахматы с третьего класса.

Она усмехнулась.

- Шестое место на районном чемпионате.

Самоирония засчитывалась как плюрик. К очаровательной улыбке и ненавязчивой манере общения.

Они поболтали об учебе, Сашу насмешили рассказы Ромы о преподавателях. Он здорово пародировал заикающегося декана.

- Я провожу, - сказал парень, когда она попыталась забрать свои пакеты. - Мне несложно.

И они пошли назад к дому, возвышающемуся в степи. Говорил в основном Рома. Описывал посвящение в студенты, археологическую практику.

Тень трехэтажного здания клином ложилась на луг. Окна казались запавшими глазами, а ризалит - орлиным носом. Подъездный портал будто бы всасывал в свою пасть тропу.

Темные пятна ползли по гипсовым фруктам, по шрамам и щербинкам.

- Тут двое детей, пацан и девчонка, муху хоронили в гробике из морковки.

Рома хохотнул:

- Своя атмосфера, да? Это тети Насти дети, из шестой квартиры. Вообще у вас соседи нормальные, спокойные.

Он передал Саше пакеты.

– Рад знакомству.

– Взаимно.

Саша пошла к фиолетовой двери.

«Он пялится на мою задницу», – подумала и удержалась, чтобы не поправить шорты.

– А как твоя фамилия? – спросил Рома.

– Алексина.

– Пока, Алексина.

Поднимаясь мимо чугунных лоз, печных заслонок, лепных карнизов, Саша Алексина улыбалась.

5

Сумерки

У их звонка была отвратительная лающая трель. Квартира неуловимо изменилась, словно стала еще больше. Вечерние тени не скрадывали пространство, а напротив, странно отдаляли стены. В коридоре клубилась темнота, а кухонный свет почти не выплескивался за порожек.

Саша, прислонясь лопатками к холодильнику, прихлебывала квас. Мама доставала расспросами: что за мальчик, где живет, что у него за семья. Снова строили планы, поглощая вкуснейшую запеканку, отбивные и салаты.

В какой-то момент, посмотрев в коридор, Саша обнаружила, что дверь чулана открыта.

Дверное полотно в летней кухне дяди Альберта вечно закрывалось само собой, если его не подпереть.

- Добавки?

- Боже упаси. Я сейчас лопну.

- Ты слишком худенькая.

- Жирная, как свинья.

Дядя Альберт называл ее ласково «худышечка». А маму «Танчик».

«Какой же он был классный», - затосковала Саша.

С состраданием взглянула на маму. Каково это - лишиться любимого мужчины, знать, что он никогда не погладит тебя, не обнимет во сне, не приголубит?

Что он истлел в деревянном обшитом атласом коробе.

Не проходной мальчишка, не Лешка, а именно тот самый, твой-твой-твой мужчина...

Саша помогла маме вымыть посуду и пошла через тенистый коридор, через гостиную, на балкон.

Он походил на корабельную корму, с изогнувшимися под острым углом перилами.

Стульев определенно не хватало. Сидеть, свесив ступни между прутьями, курить - когда мама будет на дежурствах, - выпуская колечки.

Корма целилась в болотце, истончившееся и высохшее русло Змийки. Высоченные стебли качались над лужами, звенели в сгущающихся сумерках насекомые.

«Интересно, – подумала Саша, – если кинуть туда, в гущу камыша, связанную ведьму, комары за ночь высосут всю ее кровь? Пять литров отборной ведьмовской крови»...

Прошлым летом они ходили в поход, и Сашины ноги подверглись массивной атаке комарья. Икры опухли и жутко свербели, вынуждая хныкать. А Леша, вместо того чтобы утешить, заявил при всех, что задолбался терпеть ее капризы. Он и до того говорил ей разные гадости, мол, не хочет ограничиваться одной девушкой, дескать, парень должен иметь много любовниц, а не одну...

«Его бы тоже туда, в камыш», – сказала Шура.

«На часок», – неожиданно согласилась Александра Вадимовна. В гостиной мама включила телевизор. Заиграла тревожная музыка.

Саша вышла с балкона. Шкаф, трюмо, телевизор на тумбе, все было отодвинуто от стен, чтобы не мешать завтрашней поклейке обоев. Но казалось, что вокруг мебели метры и метры пустоты. Люстра источала тусклый желтый свет, не способный истребить полумрак.

У старых квартир свой характер и свои причуды.

На экране молоденький Джонни Депп проваливался в водяной матрас, лился фонтанами клюквенный сироп.

«Кошмар на улице Вязов». Девятилетняя Сашка наткнулась на этот фильм, клацая каналы. Родителей не было дома, она сидела на корточках перед телевизором, словно ее примагнитили, порывалась утопить кнопку пульта, врубить мультики...

Но наблюдала исподлобья, как Фредди потрошит людей. Он ее напугал до дрожи – маньяк с обожженной физиономией и смертоносной клешней. Ее первый ужастик, коих было множество потом, но ни одна «Пила», ни один «Астрал» не внушили ей такого страха.

С потолка сочилась кровь.

Не эта ли смесь страха и восторга побуждала Сашу читать о мрачных готических замках, лабораториях, где побулькивали реторты, галереях и осенних парках?

Ксения вовсе не читала книг, удивлялась, зачем подруга засоряет мозги.

- Это же так нудно!

- С каких пор ты увлекаешься ужасами? - спросила Саша расположившуюся на диване маму.

Та улыбнулась:

- Дрянь полнейшая. Но ностальгия... Я его в видеосалоне смотрела с мальчиком. Студенческая любовь!

- Красивый?

- Как Аполлон!

- Целовались с ним?

- Чтоб не было страшно, - призналась мама, смеясь.

На экране Нэнси сходила по деревянной лестнице ниже и ниже, в подсвеченную оранжевыми лампами котельную.

Пока она воевала с Крюгером, Саша застелила постель, надела домашнюю футболку и завалилась в кровать. Пружины подстроились под ее спину, узнали хозяйку. Саша потянулась, зевнула. Снова представила, где будут висеть полки, где - храниться конспекты. Настольная лампа, девичьи побрякушки, плюшевые звери добавят уют, растопят черствое сердце квартиры.

Она взяла телефон, загрузила свой профиль в социальной сети. Кто-то предлагал ей дружбу.

Роман Вещук. Знакомая добродушная улыбка на аватарке, знакомые кудри.

Ба, да это же наш историк.

Поставил лайки под десятком ее фотографий.

Саша усмехнулась, набросала сообщение:

«Как ты меня нашел?»

Рома не замедлил с ответом:

«Не так много Саш Алексиных. Чем занимаешься?»

«Привыкаю к новой спальне».

Она прошла по его альбомам. Практика, универ, поход в горы. Рома увлекался пейнтболом и рыбалкой, в аудиозаписях (плюсик в книгу плюсиков) обнаружили «Duran Duran» и «Агата Кристи».

Его страничка прошла проверку.

Капнуло сообщение:

«У тебя есть любимый писатель?»

«Эдгар По».

«Ого! Такие девушки существуют?»

«Флиртуешь?» – хмыкнула Саша.

Мама выключила телевизор, крикнула из-за дверей:

– Солнышко, я спать!

– Спокойной ночи, ма.

Она тоже погасила свет и залезла под одеяло. Еще час переписывалась с Ромой: о музыке, кино, учебе...

«Вот и первый приятель здесь», – подумала она, откладывая телефон. Рома пообещал завтра показать окрестности.

Саша зевнула, устраиваясь поудобнее. В темноте едва различались силуэты нераспакованных коробок, мебели.

В детстве она молилась перед сном, повзрослев – забросила. Но сегодня захотелось поблагодарить того, кто наверху. Спасибо, если ты существуешь. Пускай нам будет хорошо, пожалуйста.

Веки тяжелели, она подумала сонно, что за отодвинутым от стены шкафом может кто-то таиться, какой-нибудь Крюгер. Там, в проходе, за гардеробом.

Она укрылась с головой, спряталась под одеяло и вскоре увидела луну в темноте.

Луна была круглой

(здесь всегда полнолуние, – подсказал на ушко встревоженный шепот)

и огромной, точно она вплотную приблизила к земле свой плоский щербатый лик, в кратерах и моренах. Ее мертвенного света хватало, чтоб озарить каждую трещинку на красно-буром фасаде, каждую черепицу двускатной крыши.

Саша стояла в десяти метрах от дома, и ветерок трепал подол ее футболки, ткань клеилась к телу. Голые ноги. Босые ступни. Сочная трава покалывала пятки, доставала до щиколоток. Сорные злаки вытеснили цветы с клубы, сама клумба исчезла под зеленым мерно колышущимся морем, чьи волны подступали к зданию, и кругом ничего не было, кроме трав.

«Сон», – подумала Саша.

Трехэтажный дом нагонял уныние. Фрукты барельефа сгнили, почернели плоды, виноград высох, превратился в изюм. Пропали антенны. Отражая лунный свет,

стекла мерцали, и, хотя было тепло, по коже Саши поползли мурашки. Встали дыбом волоски на руках.

Из квартир, из продолговатых окон подъезда, из фонаря под кровлей на нее смотрели незримые жильцы.

Краем глаза она уловила какое-то движение у турника, обернулась. Сорняк шевелился. Ветер, просто ветер.

Она снова посмотрела на дом, и сердце сжалось в груди, желудок скрутило.

В оконных проемах металась огоньки, как помехи на экране телевизора, потрескивающий хаос черточек и зигзагов.

Подъездная дверь распахнулась, там, в портале

(стоял человек в полосатом свитере, с обожженным лицом, похожим на пиццу, с усмешкой на расплавившихся губах, его кожа тянется, как сыр, поля его шляпы скрывают глаза)

никого не было.

Саша попятилась, ноги разгребали полынь и медуницу, колючий, жалящий чертополох.

Луна нависла громадиной над болотом.

Хррр...

Хррр...

Заскрипело, Саша подумала, что дом сейчас кинется на нее, как изголодавшийся зверь. В портале

(Фредди щелкал лезвиями перчатки, скреб отточенными стальными когтями по наличнику, волдыри вздувались на его морде, как белок жарящейся

побулькивающей яичницы, лопались, и из ран тек гной)

коптилась тьма.

Справа зашуршало, вспучилась кочка, другая. Земля шла горбами. Турник накренился.

Саша бросила взгляд на дом, почуяв новые перемены.

На скамейке сидели дети, мальчик и девочка. Не те, что встретились ей в реальности днем. Они были старше, лет двенадцати-тринадцати, у девочки уже очерчивалась грудь под холщовой рубахой.

Саша не смогла закричать, словно рот набили травой.

Детям отрезали головы. Отрезали, а потом перешли: телу в женской рубахе – голову мальчика, телу в штанишках и старомодной курточке – девичью кудрявую голову.

Рваные раны сшивали грубые стежки толстых нитей.

Жертвы жуткой операции были живы... то есть двигались и бормотали.

Из посиневших губ вырывалось что-то вроде «куча», «куча». Опухшие лица, глаза, будто намалеванные на веках.

Они вытянули перед собой руки, тыльной стороной ладоней к луне, поднимали и опускали, словно бы предлагали выбрать из четырех зажатых в кулаках спичек одну сломанную.

Сашина нога запуталась в переплетении корешков.

Пейзаж, дом, мертвые бормочущие дети – все опрокинулось.

И Саша проснулась в холодном поту, хлопая ресницами, не понимая, где находится.

Под обоями

После улицы Первомайской центр города – не самого шумного, провинциального, – показался центром мегаполиса. Полуденный, вязкий, он удивил скоплением народа, будто Алексины прожили в изоляции несколько лет. Вот навязчивые торговцы на рынке, вот туристы, фоткающие старинные храмы, вот парочки нежатся за столиками кофейни.

Отсюда совсем близко до их бывшего жилища...

Саша растягивала удовольствие, долго изучала ассортимент магазина. Спорила с мамой, немного расстроилась, что на шикарные виниловые обои не хватит средств. Отмахивалась от розового цвета: никакой пошлости!

– Бамбук или сакура? – прикидывала мама.

– Для кухни? Бамбук! Будем как две панды.

В гостиную, посоветовавшись, они выбрали светло-желтые флизелиновые обои с ненавязчивым орнаментом. Однотонные, под дерево, в спальню.

Весьма довольные, выпили какао. Не терпелось помочь квартире избавиться от прежней кожи, обновиться.

Автобус понес по объездному шоссе, выплюнул их, последних пассажиров, возле «Водопоя».

Навьюченные пакетами, они пошли через мост. Между опорами журчала вода, трепалась прибитая к камням рубашка. Берег был замусорен бумажками, алюминиевыми банками, кусками кабеля. Среди хлама юркнула изумрудная ящерица. Квакнула на камне бородавчатая жаба. Пучеглазая, как ведьма.

– Надо до понедельника уложиться, – сказала мама. – По-стахановски.

Саша спросила, кто такой Стаханов, и мама стала объяснять. А ветер пригибал непомерно высокую траву, кивали шесты хмеля, тропинка отпочковалась от микрорайона, потекла по полю. Саша срывала травинки и жевала сочные стебельки. Всюду была жизнь: лягушки, ужи, улитки на ветках кустарника, мошара, низко планирующие стрекозы.

И лишь трехэтажный дом казался чем-то чуждым в этом непоседливом жужжащем и щебечущем мире. Молчаливый, грозный, вколоченный в пейзаж, как порыжевший гвоздь.

Саша смотрела на его полукруглые фронтоны, на оконные оси, разделенные пилястрами, на римский нос ризалита и лепное убранство.

И дом смотрел на Сашу всеми пятнадцатью глазами фасада. Запавшими бельмами квартир, линзой чердака, окнами подъезда, застекленными в форме сот.

Ночью все это рябило и переливалось.

Во сне.

Саша замешкалась, вспоминая подробности кошмара. Мутировавшую луну, осязаемое кожей присутствие в глубине портала. Кочки. И подростков на лавочках. Мертвецов.

У мамы был толстенный толкователь снов, но и в нем вряд ли нашлись бы «дети с перешитыми головами».

Раньше ей не снилась такая чепуха.

Такая страшная чепуха.

Из-за дома доносился смех ребятишек. Кошка мылась на скамейке. Будто они попали во вчерашний день.

- Чего ты, солнышко?

- Ничего. - Она поправила челку. Перешагнула латинскую надпись.

- А вот и вы! - На подоконнике сидел отец.

Саша подумала, что, хотя родители и были ровесниками, отец выглядел лет на пять моложе матери. Подтянутый и жилистый, с мальчишескими ямочками на щеках. Его жена, Ника, была настоящей красавицей - ухоженная, изящная, еще сильнее похорошевшая после родов. Ксения видела ее фото и сказала, что полностью понимает Сашиного отца.

- Да у нее же жопа, как орех, - прокомментировала прямолинейная Ксения. - Душу бы продала ради такой сраки.

Папа спрыгнул с подоконника.

- Ты что тут делаешь? - удивилась мама.

- Невтерпеж, белить хочу. Дай побелить что-нибудь, а?

- Вероника-то не обидится?

- Она меня к вам и спровадила, - папа взвесил в руке сумку, - и варенье передала. Айвовое.

- Круто, - сказала Саша.

- Но сначала белить! - с напускной строгостью ответил отец.

Они включили радио, чтобы было веселее. Папа притащил из чулана стремянку и тазы. Саша испытала дежавю, она уже проживала этот день, солнечный, напоенный ветром из открытых окон, с родителями, перешучивающимися за работой.

Часть мебели вынесли в коридор, часть – застелили полиэтиленом. Папа забрался на стремянку и орудовал щеткой, удаляя шероховатости. При этом он подпевал поп-звездам, даже тем, чьи песни слышал впервые. Фальшивил папа отчаянно. Мама меняла мыльный раствор и передвигала поддон. Параллельно счищала обои.

– Потолок гладкий, – сказал отец, – весь мел убирать не придется. Увлажним и начнем!

Саша решила сэкономить время. Облачилась в дырявые джинсы и линялую футболку. Наушники, плеер – стахановка готова к рекордам!

Специальный раствор не понадобился, обои сдирались легко, податливо. Толстая трехслойная шкура: под виноградными усиками – фиолетовые спирали, под ними – золотистые узоры. Саша старалась не порвать бумагу, содрать махом от карниза до карниза. Увлеклась, в монотонной возне было что-то приятное, как соскабливать загар. Она нащупывала стыки, рвала, и шкура поддавалась, треск заглушала музыка.

«Полковнику никто не пи-шет»...

На полу сворачивались бумажные клочья. Обнажалась желто-белая штукатурка. Янтарные кляксы клея. Рисунок.

Что-то вроде щеточки высывалось из-под обойной полосы, тонкие черные линии на желтом. Саша нахмурилась. Прервала музыку.

Из гостиной пела «Abba» и вокализировал отец.

Девушка завозилась со шпателем, к ногам падали куски обоев. Фрагмент за фрагментом она открывала рисунок. Словно выцарапанный наконечником чернильной ручки. В рытвинах сохранилась краска.

Саша отступила к кровати. Стукнулась об изголовье. Полиэтилен зашуршал.

– Мам, пап!

Сердце громко стучало в груди.

- Мама!

- Что такое?

- Идите сюда.

Родители вошли в спальню, посмотрели на дочь, на граффити.

- Вот так сюрприз, - сказал папа.

Это не было детской мазней. Это вызывало ассоциации со средневековыми гравюрами или иллюстрацией в учебнике анатомии. Да, именно анатомии почему-то, хотя рисунок изображал насекомое.

Муху.

Она сидела на стене, здоровенная особь, размером с шестилетнего ребенка. Лапки-щеточки надежно держались за штукатурку. Хоботок посасывал высохшее пятно клея. Тот, кто нацарапал ее, был одаренным гравером. Художником с большой буквы. Время пощадило картину. Четко выделялись жилки на крыльях, фасеточные глаза были как настоящие.

Много лет она пряталась под обоями.

Татуировка на теле дома.

- Талантливо, - сказала мама.

- Гадко, - произнесла Саша. - Гадостная гадость.

Муха ей не понравилась. На обложках некоторых ее книг были изображены скелеты и вампиры - это было нормально. Но огромная муха на стене! Рядом с кроватью!

– Фу.

– Не делай из мухи слона, – сказал папа. – Вдруг перед нами неизвестный шедевр знаменитого художника?

– Сумасшедшего художника.

– Зато нет известковых потеков и грибка.

«В морковный гроб не влезла бы», – отметила Шура, сверля взглядом муху.

– Все равно мы ее заклеим, – сказала мама.

«Побыстрее бы».

Саша насупленно изучала рисунок.

«Да ладно тебе, – сказала Александра Вадимовна, – какой-то жилец передал привет из тридцатых или двадцатых годов. Невинная шалость».

Осенью она гуглила статьи о мухах. Мухах-некрофагах, которые заводятся в мертвых животных и мертвых людях. Откладывают свои личинки. Питаются падалью. Она о многом читала осенью, как одержимая: о червях, стадиях разложения и похороненных заживо. Это был ее извращенный способ постигнуть смерть.

– Не филоним, девочки! – прервал ее мысли папа.

Прежде чем вернуться к обоям, Саша сфотографировала рисунок. А потом шпателем разрешила муху пополам. Акт вандализма, от которого ей стало гораздо легче. Очередная попытка перечеркнуть прошлое. Не позволить тем мухам поселиться в ее новой жизни.

– Какая муха вас укусила? – Папа сыпал остротами, грунтуя потолок. – Хватит мух ловить.

Саша содрала последний клоч обоев и крикнула:

- Па, ты назойливый как муха.

- Моя дочь! - засмеялся отец.

На ум пришел еще один фразеологизм: дохнут как мухи. Но Саша не произнесла его вслух.

В два заявился служащий Интернет-компании, установил модем. Посетовал, что Алексины живут на краю света. Пока сохла грунтовка, мама приготовила обед. Папа ел за обе щеки, и Саша заподозрила, что по части стряпни Вероника проигрывает маме.

Работа спорилась. Ударными темпами Алексины белили потолок, сменяли друг друга на верхотуре. Шуруя валиком, Саша воображала себя Сальвадором Дали.

Папа подначивал маму внизу. Никто бы не понял, что они в разводе.

- Сань, тебя там мальчик зовет.

Она спрыгнула со стремянки.

- Косынкуними, - шикнула мама.

Саша скинула бандану, взъерошила волосы. На щеках и лбу красовались белые точки.

Под балконом стоял Рома. Улыбался фирменной улыбкой славного парня. От таких без ума будущие тещи.

- Я за тобой. На обещанную экскурсию.

- Ой, у нас тут ремонт...

- Иди, иди, - сказал папа из гостиной, - работы осталось чуток.

– Ну ладно. – Саша сверилась с часами: – В семь зайдешь?

– Договорились! – засиял Рома.

Мама и папа многозначительно ухмылялись, и она швырнула в них тряпкой.

На улице постепенно спадала жара. Солнце катилось к горизонту. Тучи комаров жужжали над болотом.

Саша приняла душ. Заскочила в спальню. Муха с подрезанными крыльями сидела на своем месте. Жирная черная тварь. Мстительные глазки схоронились в тени от форточки. Сама муха словно стремилась переползти в тень по штукатурке.

Саша вспомнила чернушный детский стишок:

Рану вскрыл, а там начинка —

Очень жирная личинка.

Муха-цокотуха, позолоченное брюхо. Цокот подкованных мушиных лапок. Гибрид, муха-теленки, карабкающаяся к потолку. И фильм был, где такой красивый брюнет снимался, немного похожий на дядю Альберта.

Саша продемонстрировала рисунку средний палец.

Ушла, а через минуту тень полностью скрыла муху.

7

Прогулка

Для вечерней прогулки Рома выбрал брюки и футболку-поло. Вид у него был официальный, в равной степени нелепый и милый.

«На свидание он, что ли, вырядился?» – подала голос Шура.

Рома был не один, а с подружкой.

– Кто эта красавица? – ахнула Саша.

– Это Кортни. Поздоровайся, Кортни.

У его ног сидела мохнатая собака, белая, с коричневыми подпалинами. Длинноногая морда излучала радушие.

– Можно?

– Конечно. Она не кусается.

Саша опустилась на корточки, погладила собаку по холке. Взъерошила густой мех.

– Хорошая девочка! Хорошая!

Кортни заколотила хвостом по земле. Ткнулась мокрой кнопкой носа в ключицу Саши, лизнула шершавым языком.

– А что за порода?

– Я полагал, что покупаю щенка немецкой овчарки. Но – как видишь, меня бессовестно обманули.

Если в роду двортерьера Кортни и были немецкие овчарки, то не раньше третьего колена.

– Овчарка, овчарочка!

Собачий хвост вращался, как пропеллер Карл-сона.

- Сколько ей?

- Три года.

- А у меня кошка была, Муся.

Они пошли по тропинке. Кортни семенила впереди. Обнюхивала кусты и норовила ринуться за мотыльками в осоку.

- Умерла?

- Машина сбила.

- Ух! Я вообще кошатник. Но когда мне эти аферисты принесли Кортни, я растаял.

- Понимаю тебя.

- Как ваш ремонт?

- Сейчас.

Она вручила Роме телефон:

- Гляди.

- Ого.

- Это было в моей спальне под обоями.

- Как наскальная живопись, - присвистнул он.

- Или гравюра.

– Да, напоминает того немецкого художника, который рисовал черно-белых всадников апокалипсиса. На букву «д».

– Не помню.

– Вдруг она стоит миллионы? находка века!

– Ну да. В любом случае я ее немного повредила.

– Вандал! Сидела себе мушка десятилетиями, никого не трогала...

В гаражах тренькала гитара. На плитах подростки пили пиво. Женщина выбивала ковер, и пыль улетала в поле. Высотки Барби чинно сгрудились, закрыли свою сердцевину от степных ветров.

– Мой дом такой старый?

– Конец девятнадцатого века. Дед был в восторге, когда удалось ухватить в нем квартиру. Он сходит с ума по разным древностям.

Из окон бубнил телевизор, доносились песни и смех. Ребята, ведомые Кортни, прошли между зданиями. Дворы микрорайона Речной были опрятными, чистыми. Цветники, беседки, свежеразкрашенная голубятня. На лавочках старухи обмахивались листьями каштана. Мужики забивали козла, стучали по столику костяшками домино. Переругивались женщины.

– Вон мой подъезд.

– Здесь классно, – сказала Саша. И подумала: ну почему нельзя было поселиться на сто метров ближе?

– Итак, – тоном лектора произнес Рома, – ваш дом изначально строился как многоквартирный. Под ключ – это называлось «доходные дома».

– Почему на отшибе?

– Не забывай, что тут были деревни. Минеральный источник и яхт-клуб. Дачи вдоль берега... пацаны до сих пор ходят с металлоискателями, ищут фундаменты, подвалы. Начало города.

– Водопой, – кивнула Саша.

– В яблочко.

Кортни облаяла пекинеса и требовала поощрения. Саша потеряла ее за ухом.

– И все же: многоквартирный дом среди деревень.

– Причуда владельца. Он был промышленником, кажется. Лучше у дедушки уточнить.

Асфальт умыли из шланга, и пахло, как после дождя, озоном. В кольце высоток приютился детский садик. Шуршали кроны вязов и тополей.

С Ромой было комфортно, он оказался отличным собеседником. Умел и выслушать, и увлечь историями. Саша воочию представила друзей, которых он описывал: весельчака Серегу, тугодума Мишку.

Они обогнули Речной по кругу и вышли мимо котельной

(раз, два, три, Фредди в гости жди)

наружу.

Побрели по аллее. Кортни писала на подорожник и облаивала воробьев. Рома убрал с тротуара жука-рогача, депортировал в траву, чтобы не раздавили прохожие. В книге плюсиков появился жирный плюсик.

– Район планировали расширять, но грянул кризис. Комбинат едва не обанкротился...

Из-за деревьев выплыла серая коробка станции. От пустой платформы отходила электричка болотного цвета.

«Отсюда мне предстоит ежедневно мотаться в вуз».

– Ты привыкнешь, – Рома будто прочел ее мысли, – к тому же в дороге можно полистать конспекты. Я так к сессии готовился.

Он помог ей пересечь полотно, взобраться на пригорок. Вдали, за равниной, серебрилась река. Справа виднелся комбинат, южнее – город, оплетенный рельсами и объездной трассой. Над лугом порхали яркие бабочки.

Мчала последняя электричка.

– Речной? – пробурчала Саша. – Скорее Полевой.

Кортни увлеклась собственным хвостом, закрутилась юлой.

– Не самая умная псина, – смутился Рома.

– Перестань ее оскорблять! – возмутилась Саша. – Сам ты неумный.

Они сели на нагретый солнцем камень.

– В реке купаются?

– А как же! И пляж неплохой.

Саша нащупала сигареты, щелкнула зажигалкой.

– Ты давно куришь?

– Не одобряешь курящих девушек?

– Просто тебе не идет.

Прозвучи это замечание из других уст, оно бы вызвало раздражение. Ее страшно бесила критика со стороны малознакомых людей. Но улыбка Ромы вызвала обратную реакцию: желание быть откровенной.

- Да я балуюсь. Захочу - брошу. Осенью умер близкий мне человек, и я закурила.

Рома положил руки себе на бедра, потом убрал за спину. Спросил:

- Твой парень?

- Что? - Она хохотнула невесело. - Нет. Мамин...

(сожитель)

- ...муж.

Рома смотрел на нее выжидающе, и она продолжила:

- Родители развелись, когда мне было десять. Мы перебрались в село, там у мамы был домик. Она в город на работу ездила, она медсестра. Познакомилась с пациентом. Он ее на свидание пригласил. Влюбились... Мне двенадцать исполнилось, мама хибару нашу продала, и мы переехали к дяде Альберту.

- Он был хорошим?

- Лучшим. Как настоящий папа, хотя мой папа... ну, тоже нормальный.

Пепел упал на джинсы, Саша раздавила окурочек о камень.

- Дядя Альберт был идеальным. Умный, добрый, смелый. Он пожары в Чернобыле тушил, возле реактора.

- Он из-за Чернобыля, да? Из-за радиации?

- Ага. Рак щитовидки. Он быстро... угас.

– Соболезную. – Рома провел пальцами по воздуху, словно погладил Сашу на расстоянии.

– Мы вчетвером жили. Я, мама, дядя Альберт и его мама, бабушка Зоя. У нее было слабое здоровье, мама за ней присматривала. Уколы, компрессы. Она пережила Альберта на девять дней. Умерла и не успела оформить наследство.

– Зачем наследство? – удивился Рома. – Пять лет жили вместе, квартира вам перейти должна.

– Закон иного мнения. Появились родственнички. Племянница бабушки Зои. Гильдерера Валерия Вячеславовна. А с ней муж, уроженец Палестины, и двое детей.

– И что, – сердито спросил Рома, – отдать жилплощадь какой-то племяннице?

«Она хотя бы племянница, – тихо сказала Шура, – а мы кто?»

– Адвокат подчеркивал, что мама ухаживала за бабушкой Зоей, а Гильдеревым было на тетушку наплевать. Дядя Альберт кузину раза два упомянул мельком. Но она та еще актриса. На заседаниях рыдала, справками сыпала. Муженек ее нанял пронырливых юристов.

– И чем закончилось?

– У дяди Альберта было большое хозяйство, сарай, двор, флигель. Практически центр города. Нам причиталась треть от стоимости всего. Но и за эти деньги мы не могли взять однокомнатную в том же районе. С весны мы жили то у друзей семьи, то в общежитии. А в мае агент по продаже недвижимости предложил этот вариант.

– Суки, – проговорил Рома, – как таких существ земля носит?

– Была бы у меня кукла вуду... – Васильковые глаза Саши потемнели.

– А что за «мазда» припаркована в вашем дворе?

– Папина. Он нам с ремонтом помогает. У него семья, ребенок. Кристина, сестричка моя.

– И что, его жена отпускает? Не ревнует?

– Как видишь.

– Святая женщина.

Они сидели на валуне, болтая. Сгущались сумерки, зажигались огни высоток. Комар ужалил в шею.

– Ай, – почесалась Саша. – Идем, пока нас не сожрали.

На тропинке, связующей микрорайон и Сашин дом, Рома задал вопрос:

– У тебя есть бойфренд?

Сердце екнуло, и щеки зарделись почему-то.

– Был, но мы расстались.

Рома улыбнулся в полутьме.

«Спроси у него о том же», – велела Александра Вадимовна, но Саша молча шагала по щебню, и через минуту Рома известил:

– И у меня нет.

– Кого? Бойфренда? – неловко пошутила она. Юморок в стиле Шуры.

Расставаясь у подъезда, он сказал:

– Завтра я на дачу еду. А послезавтра давай на речку купаться.

- Не выйдет, - ответила она. - Ремонт доделаем, тогда.

- Забились.

Она наклонилась пожелать Кортни спокойной ночи, и собака, изловчившись, облизала ей подбородок.

- Ах ты хулиганка, - рассмеялась Саша.

Папа уехал. Умаявшаяся мама стелила постель. Среди голых стен Саша без сил рухнула на кровать.

Она размышляла о Роме, об их променаде, и мухам не было места в ее голове.

8

Пират и Сверчок

Они позавтракали хлопьями и шоколадным молоком. Закатали рукава и с энтузиазмом принялись за работу. Звонок в дверь (Ай, бляха, надо поменять эту верещалку!) застал их смешивающими известь и синьку.

Саша бросилась открывать. Протиснулась мимо затора из мебели.

В тамбуре стоял папа, рядом - бородатый и румяный здоровяк. Усы подкручены, огромный живот упакован в тельняшку, багровый шрам над бровью - вылитый пират.

- Привет, крестница!

- Дядя Коля?

- Превосходная память! Посторонись!

Пират втащил в коридор звенящий бутылками пакет. Мама скрестила руки на груди, театрально насупилась.

- Девять утра, Николай.

- Право, Тань! Это топливо.

- Вот, подмогу привел, - сказал папа. - Лучший в мире клейщик обоев.

- Обоемэн. - Крестный подмигнул улыбающейся Саше.

Он действительно плавал: добирался до Нью-Йорка, Исландии, Мексики. Но не пиратствовал, а мыл посуду на круизном лайнере. Его байки про кругосветное путешествие никогда не повторялись, даже повествуя об одном и том же инциденте, он выворачивал сюжет в новое русло.

Дядя Коля постоянно попадал в анекдотические ситуации. Пьяный мог очутиться в чужом городе. Или прыгать из окна любовницы в одних трусах. Отметину на лбу ему оставил обманутый муж - саданул табуреткой.

- Мне неудобно, - виновато сказала мама. - Вы не обязаны.

- Неудобно, Тань, когда... - дядя Коля понизил голос, зашептал маме на ухо и завершил громким басом: - Из жопы!

Мама отмахнулась, втянула щеки, чтобы не рассмеяться.

- Кушать будете?

- Не заслужили еще! Слууушайте...

Он повертелся, теребя флибустьерский ус.

- Ну и апартаменты! Буржуйствуете, Алексины. Знал бы, топливом посерьезней запасся. Муху покажете?

– Идем.

Дядя Коля откупорил пиво – конечно, зубом. Долго и сосредоточенно рассматривал рисунок, прямо как посетитель Эрмитажа перед шедевром живописи.

Наконец взял шпатель и несколькими вдохновенными движениями дорисовал какашку.

Саше захотелось его расцеловать.

Они взялись за дело, дружно, под шуточки мужчин.

Родители прибрали в гостиной, застелили пол и грунтовали стены. Саша с крестным белили в спальне потолок. Саша поражалась выносливости дяди Коли. Он слезал со стремянки лишь для того, чтобы хлебнуть пива.

В детстве Саша мечтала сбежать на корабле. Бороздить океаны, побывать на всех континентах. Пусть и посудомойкой – она бы драила тарелки до блеска.

Дядя Коля стирал носки в Индийском океане. Дрался с сутенером на Гаити. За пьянку его высадили в Осло (иногда, под настроение – в Киото или Париже). А она... что она вообще видела за свою жизнь?

– Расскажи про Майами.

– Да что рассказывать? Дыра дырой. Я про сменщика тебе рассказывал?

– Не помню.

– Это в первый день было. Поставили меня на кубрик. Объяснили, что да как. Говорят, твой напарник бухой, спит сейчас, в восемь проснется и тебя сменит.

– Ты ей про проституток рассказываешь? – спросила мама.

– Ты за кого меня принимаешь? – обиделся дядя Коля. – Короче, Сань. Пашу я, пашу и периодически заскакиваю в холодильник. Комната – больше вашей. И там кушетка, а на ней мужик лежит. Прохлаждается. Ну, лады, с похмелья в холодке – самое оно понежиться... Смочи-ка. – Крестный подал Саше валик, она покатила его по поддону с раствором. – И вот. Часы тикают, восемь вечера. Я – вежливо так – земля, смена твоя. Он спит. Ну, я ж не зверь, понимаю, что худо человеку. Через полчаса снова говорю: уважаемый, пробуждайся, я заманался горбатиться. Ноль реакции.

– И что?

– Что-что. В девять психанул, стал его трясти, а он дрыхнет, гад. Я злой, иду на кубрик, а там паренек заспанный, говорит: прости, братан, проспал я, за это тебе на час дольше поспать дам. Я говорю: не вопрос, но кто тогда в холодильнике спит? А он ржет: так это труп. Пассажир из второго класса крякнул, инфаркт. Ну и его в холод положили до следующего порта.

Саша рассмеялась.

– Постой, постой... – Дядя Коля смотрел в окно со своего наблюдательного поста. – А это кто еще?

– Где?

Саша оперлась о подоконник.

Окна спальни выходили на пустырь и заросли рогоза. По протоптанной тропинке шла к дому пышнотелая молодая женщина с плетеной сумкой на сгибе локтя. Шла, должно быть, с пляжа: бейсболка защищает светлые волосы от полуденных лучей, под мышками завязано узлом парео. Ткань оставляет открытыми верхние половинки массивного бюста, покачивающегося при ходьбе, и бедра – толстоватые, по мнению Саши.

– Какая фея, – причмокнул дядя Коля.

«Где-то я ее встречала»...

Саша мысленно убрала темные очки.

- Это же официантка из «Водопоя».

- Ван момент! - Крестный кинулся в коридор, споткнулся о порог, ругнулся. Хлопнула дверь.

- Куда он? - спросил папа. - Он так только за бабами бегают.

- За бабой, - сказала Саша.

Дядя Коля возвратился через десять минут, запыхавшийся и довольный. Поелозил дисплей мобильного:

- Сохранить!

- Дала номер? - восхитилась Саша.

- Как мне откажешь! Что ж вы, братцы, с соседями не раззнакомились? Инночка аккурат над вами живет.

- Не до того нам, Коля. - Мама примерила к стене обрезок обоев.

- Ничего святого, - пожурил крестный.

В три Саша сходила за продуктами. Купила колбасу, сыр и лепешки. Позвонила Ксения. Похвасталась, что уезжает в Крым на пять дней.

- Вот змея! Я, значит, в ссылке, а подруга на море резвится.

- Ага, с моей родней порезвишься!

- Море, - застонала удрученно Саша.

- Я тебе сувенирчик привезу, рыбка.

Кругом было поле, казалось, оно нигде не заканчивается. Нет ни Речного, ни города, ни прочих городов. Океаны, Японию, Америку выдумал дядя Коля, чтобы развлечь крестницу.

Степь, и безоблачное небо, и бурый дом. Ветер шуршит пыреем. Она невпопад вспомнила прочитанное недавно стихотворение Уолта Уитмена. Трава – это прекрасные нестриженные волосы могил. Красивый и печальный образ.

В четырнадцать она сама писала стишки, любовь-морковь, весна-зима. Слава богу, бросила.

Саша сбавила шаг у лавочек. В окне маячил дядя Коля, советовал родителям, как резать обои.

«Хорошие люди меня окружают, – подумала она и чуть не прослезилась. – А вдруг эти несчастья – идут в придачу к хорошим людям?»

Солнце румянило плитки подъездного пола, но углы берегли густые чернильные тени. Темнота, как паутина, налипла под потолком, на розетках и балках. Саша направилась к ступенькам. Слух уловил жалобный писк.

Она замерла на полпути, вглядываясь вглубь вестибюля. Снаружи щебетали сверчки. По розовой шпаклевке скользили блики. Но там, где железные ступеньки спускалась в полуподвал, было темно. Шагнешь туда и исчезнешь в перевернутой нефтяной луже.

Между двумя лестницами сидел котенок. Шерстка в катышках, тоненькие лапки неуверенно упираются в бетон.

Он посмотрел на девушку и слабо мяукнул.

– Малыш, это ты плакал?

Сердце сжалось. Саша нагнулась, подобрала бедолагу. Он почти ничего не весил.

– Где твоя мама?

В хрупкой груди стучал моторчик.

– Идем, поищем ее.

Разноцветная кошка откликнулась на первое кис-кис. Выпрыгнула из кустов, стала ластиться к ногам.

– Ты что же, свое дите не кормишь?

Саша подсунула ей малыша. Кошка обнюхала его, дернула хвостом. И заскребла землю вокруг, поднимая пыль. Так закапывают экскременты животные. Вдоволь накопавшись, кошка продефилировала к газону.

– Мать называется! – вспыхнула Саша. – Что ж с тобой делать-то?

Котенок запищал, словно просился на руки.

– Ты кто? Ты мальчик? Мальчик!

Она погладила по тощей спине, по выпуклому позвоночнику.

В темной части вестибюля что-то заскрипело. Сделало шаг снизу вверх, по чугунным ступенькам.

Саша полминуты смотрела туда, но звук не повторился.

– Ма...

– Что, солнышко?

– Вот... – Она показала находку.

– Этого еще не хватало!

– От него кошка отказалась. У нас молоко есть?

- Есть, - вздохнула мама.

- О, какая животина! - сказал идущий в ванную папа. - Без кота жизнь не та. Будет ваших мух ловить.

Саша погрела молоко, наполнила крышку из-под консервации. Котенок вылакал все и потребовал добавки. Наевшись, сделал лужу под столом, но Саша успела ее вытереть до прихода мамы.

- Как тебя зовут? Сеня? Нет, не нравится? Ммм...

В окно влетала монотонная сверчковая трель.

- Сверчок?

Котенок опрокинулся на спинку и подставил ласкам живот.

- Сверчок, - улыбнулась Саша.

К вечеру дядя Коля выдул пять литров пива, он был благостен и велеречив. Спальня преобразилась, муха упокоилась под обоями. На стене висели полки, у окна стоял компьютерный стол. Такой спальне обязательно нужны тотемы: плюшевые мишки, зайцы, куклы.

Мужчины ушли, отужинав напоследок.

Мама прибирала со стола, улыбка блуждала на ее губах. Сверчок дремал возле холодильника.

- Как тебе комната, доча?

- Я бы жила в такой.

- Покрасим батареи, купим люстры... и до ванной дойдем.

Саша глотнула остывший чай.

– Слушай, а почему ты не вышла замуж за дядю Альберта?

Улыбка не исчезла с маминого лица, но стала грустной, и взор подернулся дымкой.

– Я боялась, что он изменится. Мужчины меняются после ЗАГСа.

– И папа?

– И он. Не обязательно в худшую сторону. Но что-то в них пропадает. Отмирает, а вместо него возникает нечто другое. Я так любила Альберта и не хотела, чтобы он изменился ни на йоту. Это очень глупо, доченька, из-за этой блажи у нас отняли дом. Идиотский пример, не для подражания.

– Ты же все равно была счастлива? – Саша пытливо изучала маму. – Без свадьбы?

– Каждый день. Пять лет и семь месяцев.

Они вымыли посуду и просто сидели на кровати вдвоем, смотрели на обои и потолок, и сквозь них, вдаль.

9

Бамбук и соль

Благодаря полуциркульному проему над дверным полотном Алексины заранее знали, что к ним идут визитеры. Звуки шагов глухим эхом отдавались от бетона. Но гам им не докучал, в подъезде обитали исключительно бесшумные граждане. Изредка проскочат по лестнице соседские детишки, и опять дом погружается в тишину.

– Осенью застеклим, – сказала мама и, взобравшись на самый высокий стул, зашторила проем марлей – от комаров. Комары и мошки сидели под подъездными сводами, набивались в гипсовое кружево карнизов.

Топ, топ, топ...

– Папа с утра пораньше?

– Надеюсь, нет. И так стыдно перед Вероникой.

Саша отложила ножницы, которыми резала обои, и направилась в коридор. Завизжал звонок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kabir_maksim/muhi

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)